

Вероятно, он так и стоял бы там, не обнаруженный, пока время не сделало бы свое худшее дело и природа не вернула бы его себе. В детстве Дэвид и его друзья исследовали каждую изгородь, поле и переулок, прилегающие к их домам. По мере взросления их экспедиции заходили все дальше, пока, наконец, они не стали знать все улицы, переулки и крысиные бега в своем городе. Как теневые объекты, они могли перемещаться из одного конца города в другой и никогда не попадаться на глаза взрослым. Они знали лучшие сады, где растут яблони и груши, где можно найти ревень и гусиные лапчатки, чтобы их желудки были полны, пока не наступит время обеда.

И все же за все эти годы поисков ни один из них так и не обнаружил это здание и его окрестности. Они никогда не слышали разговоров о нем, их родители никогда не упоминали его в разговорах, им никогда не запрещали ходить туда, потому что здание словно перестало существовать в сознании каждого. К его десятому дню рождения город начал меняться, поля, которые годами лежали без движения, вдруг стали покрываться домами. В любой момент времени здесь можно было найти десяток заброшенных зданий, ряды старых коттеджей, заброшенную мельницу, а в одном конце города - то, что осталось от заброшенной базы RAF, ржавеющие вешалки и хижины в разной стадии разрушения.

Сейчас это называется "исследовать город", находить забытые и заброшенные здания. В те времена это называлось "шуфти" - эвфемизм для того, чтобы проверить, не оставили ли прежние обитатели что-нибудь стоящее, что можно было бы взять домой или заработать несколько шиллингов: медную проволоку, свинцовые трубы. Дэвид наткнулся на это место совершенно случайно, однажды увлекшись изучением города на Google Earth, пролетая над крышами домов и полями, вспоминая свои детские приключения. Он чуть не пропустил, проносясь над головой, крышу, частично скрытую под саваном деревьев. Повторяя шаги, Дэвид остановился прямо над головой, вглядываясь в зернистое изображение, а затем увеличил масштаб, пытаясь представить себе его местоположение.

Он мысленно прошелся по дорожке, глядя налево и направо и отмечая знакомые места. Та сторона переулка была полностью заросшей, представляя собой дикую местность из зарослей колючек, крапивы, кустов и деревьев. Много лет назад банда решила, что это непроходимое место, которое дает отпор, если ты вторгаешься в его частную жизнь, царапины и укусы покрывают твоё тело за то, что ты осмелился нарушить его.

Он уже не был юнцом, те дни ушли, воспоминания о том, как он был подростком, как женился и завел собственных детей. Теперь у его детей были дети, но в тот день, когда он сидел за компьютером и смотрел вниз на крышу, это пробудило в нем чувства волнения и открытий ушедшей эпохи.

Были составлены планы: толстые брюки, садовые перчатки и крепкая куртка, лучше бы еще и сапоги. Он не мог идти по улице с мачете, но серп поместился бы в рюкзак, вместе с фонарем и запасными батарейками. В тот вечер заснуть было трудно: все было уложено, он был готов к отъезду, а голова ломала голову над тем, что он может обнаружить. Сон в конце концов пришел, и тогда его разбудил дневной свет, пытавшийся пробраться сквозь любую щель в занавесках.

Никого не беспокоя, он спустился на кухню, чтобы сварить себе кофе. Прошло уже почти два

года с тех пор, как Андреа ушла из жизни, и внезапное воспоминание о ней вызвало у него слезы на глазах. Он был самым старшим членом семьи в своем поколении, его бабушки и дедушки, родители, а затем и жена - все ушли из жизни. У него остались сестра и братья, но все ближе был день, когда наступит его очередь покинуть их.

Хорошо экипированный, с флягой и бутербродами в рюкзаке, он отправился в путь, это было всего двадцать минут ходьбы, куртка была сброшена, так как день и температура его тела повысились. Он оделся для того, чтобы атаковать непроходимые преграды, а не для прогулки теплым утром, и ему пришлось пару раз остановиться и глотнуть прохладной воды из бутылки, которую он захватил с собой. И вот наконец он оказался в начале дорожки, пробираясь по ней, пока не дошел до того места, где, по его мнению, пряталось здание.

Не было никакой возможности просто пробраться туда и атаковать его оттуда, любой прохожий задался бы вопросом, что происходит, поэтому, повторяя свои шаги, Дэвид добрался до поля, которое он уже прошел. Предпочтительнее атаковать сбоку или с тыла, подумал он, перелез через ворота на поле, а затем направился к пограничному забору. Следуя вдоль его первого края, а затем за угол, он продолжал идти по его краю, надеясь найти слабое место.

'Вот здесь'. Пространство между двумя деревьями давало ему зазор для начала, когда он проскользнул под оградой из колючей проволоки, достал серп и надел толстые перчатки.

Это была нелегкая битва; за час он прошел около тридцати ярдов, пот лил с него ручьями, а выбор был невелик. Избавиться от громоздкой куртки и страдать от укусов и царапин, или передохнуть, восстановить дыхание и выпить, пока он остынет. По крайней мере, под навесом было прохладнее, когда он освободил место, положил куртку на землю и сел. Тишина была полной. Дорожка никуда не вела, и машины по ней не ездили, если только им не нужно было попасть в один из немногих домов, которыми она была усеяна. Со своего места он был невидим для любого пешехода на дорожке, его единственной компанией были птицы, перелетающие с ветки на ветку, и случайные звуки торопливых шагов в подлеске.

Еще через полчаса он пробрался сквозь заросли в то место, которое когда-то, должно быть, было задним садом. Ту его часть, которую не закрывал навес, было гораздо легче атаковать, и хотя она была на высоте головы, он быстро проделал путь и добрался до задней двери дома. Судьба никогда не будет к нему так добра. Повернув ручку двери, он обнаружил, что она заперта. Обойдя дом снаружи и пытаясь заглянуть в грязные окна, он столкнулся с трудностями: дневная яркость и темнота внутри заслоняли обзор. И снова это была битва: серп махал влево и вправо, под его лезвием рушились заросли и крапива, пока он расчищал путь к передней части здания.

'Черт!' Входная дверь тоже была заперта. У него не было желания силой проникать внутрь, пока что он был виновен лишь в незаконном проникновении, но стоило начать бить окна, и неприятности могли преследовать его дома. Расчистив другое место, Дэвид сел на куртку, достал бутерброды и флягу и перекусил. Он вложил всю душу в эту экспедицию, но на последнем препятствии ему помешали. Оглядевшись вокруг, он понял, что палисадник, должно быть, был довольно большим, возможно, к воротам вела небольшая дорожка, но сейчас ничего не было видно, деревья, кустарники и сорняки заняли все пространство, и вид с передней стороны представлял собой безлюдную заросшую пустыню.

Шесть старых глиняных горшков по обе стороны от входной двери привлекли его внимание: в них больше не было растений, одуванчики демонстрировали свои желтые цветы, а вьюнок пытался взобраться на стены. Он вспомнил времена, когда домовладельцы клали запасной ключ под горшок с растением, чтобы пришедшие в гости мать, сын, сестра или брат могли войти в дом, если хозяев не окажется дома. На четвертый раз он попробовал горшок, который прилип к земле и был коричневым от ржавчины, а на него смотрел старый ключ от врезного замка.

Достав из кармана носовой платок, он хорошенько протер его, очищая от осколков ржавчины и накопившейся грязи. Ключ подходил к замку, но мог ли он повернуться без среза. Он не давил на него, незначительное давление, работая ключом вперед-назад, пока в конце концов с удовлетворительным щелчком ключ не повернулся на полный оборот. Дэвид повернул ручку и толкнул дверь, вросшую в раму за долгие годы, она сначала не поддавалась, но несколько хороших толчков плечом, и, наконец, она частично распахнулась.

Собрав свои вещи, он вернул их в рюкзак, достал фонарик и надел куртку. Толкнув дверь, он широко распахнул ее, и в коридор хлынул дневной свет. Слева и справа от него были двери, впереди - лестница, ведущая наверх, а в конце короткого прохода - еще одна дверь. Сначала он зашел в дверь справа, но внутри было темно из-за задернутых штор, закрывавших окна. Его луч прошелся по тому, что, должно быть, было парадной комнатой или гостиной, когда он осторожно прошел через нее и раздвинул все занавески, и теперь комната была ярко освещена.

Его глаза не могли поверить тому, что он увидел: несмотря на слой пыли, все выглядело так, как будто кто-то вышел из дома пару часов назад, а не более пятидесяти лет назад. В старомодном, большом, богато украшенном чугунном камине еще оставался пепел. По одну сторону от него стояло кресло из кожзаменителя, некогда гладкая поверхность которого теперь была испещрена трещинами, а напротив него - такой же диванчик. Кресло-качалка со всеми спинками и подушкой на месте завершало расстановку гостей. Положив на него руку, он легонько подтолкнул кресло, и оно бесшумно двинулось вперед-назад, как будто в нем кто-то сидел. В закрытых окнах сохранились обои, которые он мог описать только как ботанический узор, идущий вдоль каждой стены и по всему периметру комнаты. С него свисали картины, мужчины и женщины, одетые в свои наряды, смотрели на него, следя глазами за его передвижениями по комнате.

У окна стоял маленький столик и несколько стульев, в одном углу - большой беспроводной стол, а у стены напротив камина - большой декоративный комод. Маленький журнальный столик был завален старыми газетами, он взял одну из них и прочитал дату: 8 мая 1944 года, за месяц до Дня Д и за год до окончания войны. На полу лежали ковры и ковровые дорожки, в щелях по краям виднелась потемневшая древесина старых половиц. Гостиная была идеальной во всех смыслах того, как, по его мнению, должен был выглядеть дом 1930-х годов.

Из передней комнаты через дверь напротив находился закуток, комната меньше гостиной. В центре внимания был небольшой изразцовый функциональный камин, пара удобных кресел и еще одно кресло-качалка. В одном конце - раскладной стол и пара стульев с прямыми спинками, а у окна, закрытого затемненными шторами, - еще один радиоприемник.

Дверь в конце прохода оказалась кухней, интерьер которой был гораздо светлее, чем в двух других комнатах, только изъеденная молью сетчатая занавеска закрывала окно и распадалась, когда он пытался сдвинуть ее в одну сторону. Под окном находилась раковина из керамогранита, из стены над ней торчали краны с горячей и холодной водой. Он повернул их, они заскрипели, но вода не пошла. Под сливной доской стояла большая ванна, что-то вроде водонагревателя, как он предположил. В одном углу стоял стол и стулья, а у противоположной стены - большая зеленая старомодная электроплита. Пол был покрыт линолеумом, стены до уровня груди покрывала тошнотворно зеленая плитка, остальные стены и потолок были побелены, на поверхности теперь виднелись пятна сырости и плесени.

Двери с одной стороны оказались кладовой и буфетом для метел, шкафы на стенах открывались, чтобы показать продукты, которые, хотя он и знал, что это такое, имели названия и маркетинг, которые были созданы еще до его времени. Как и в передней комнате, здесь все было аккуратно и покрыто слоем пыли. В каком-то смысле это было жутковато, как будто кто-то только что вышел и больше не возвращался.

Еще одна дверь рядом с задней открылась, открыв лестницу - извилистые ступеньки, ведущие вверх и мрачные. Фонарик снова горел, когда он осторожно поднимался на каждую ступеньку, проверяя их на вес и слушая, как они скрипят при подъеме.

На вершине первой площадки была еще одна дверь, ведущая в проход, две двери с одной стороны и три с другой. Выбрав ту, что была справа, он медленно повернул ручку и открыл ее. Вероятно, это была спальня хозяев, подумал он, но внутри опять было темно из-за занавесок, закрывающих окно. Осторожно ступая по полу, он пересек комнату и задернул шторы, впустив свет, который проникал в комнату неизвестно сколько лет. Комната была больше, чем в большинстве современных домов, а у правой стены стояла двуспальная кровать, старомодная, с деревянным изголовьем и изножьем и железной рамой. Она была аккуратно застелена: хлопчатобумажные простыни, одеяла и покрывало - все это лежало на матрасах из конского волоса.

Перед окном стоял туалетный столик, один из тех, что с тремя зеркалами. На его поверхности по-прежнему были аккуратно разложены щетки для волос и флаконы с лосьоном. В дальнем левом углу по диагонали стоял платяной шкаф, дверца которого была открыта, чтобы показать платья и пальто на вешалках, на полке над перилами все еще хранилась лисья шаль, заставлявшая его подпрыгивать, когда дневной свет сверкал из ее стеклянных глаз, а на полу внизу стояли пары туфель. Это была мода конца девятнадцатых-двадцатых и начала тридцатых годов, и все они великолепно сохранились. На стене напротив кровати находился чугунный камин, уменьшенная копия того, что был внизу, в гостиной.

В ближнем левом углу стоял такой же платяной шкаф, а рядом с ним - большой комод, его близнец находился справа от кровати. Он открыл второй шкаф, на этот раз мужскую одежду: костюмы, пиджаки и брюки, кожаные броги и оксфорды бок о бок на полу шкафа. Выйдя на время из комнаты, он поднял шторы - отсутствие дневного света защищало все вещи на протяжении многих лет, и он не хотел ничего менять.

Вторая спальня, расположенная напротив первой, была меньше: односпальная кровать, снова аккуратно застеленная, шкаф и комод - единственная мебель в комнате. Другие двери вели в

ванную комнату, крытый туалет, относительно новый в те времена, а затем в третью спальню, которая была оборудована так же, как и первая. В конце коридора находилась главная лестница, ведущая вниз.

Вернувшись к задней лестнице, он продолжил путь наверх, повторяя процесс и проверяя каждую ступеньку. Луч фонарика осветил еще одну дверь, но на этом исследование Дэвида закончилось. Ручка вращалась по кругу, отказываясь открыть замок, а дверь оставалась закрытой. Небольшое пространство не позволяло ему приложить силу, и он развернулся и спустился вниз.

Он взглянул на часы: было уже за полдень. Он был так взволнован, что мог бы остаться там подольше и исследовать, но решил, что на сегодня он остановится, а завтра вернется с инструментами и попробует открыть самую верхнюю дверь. Он также хотел все сфотографировать, прежде чем передать всю информацию в местное историческое общество, ведь дом был моментом времени, и его содержимое нужно было сохранить для процветания.

Ключи от дома отправились с ним домой: тот, который он нашел под цветочным горшком, и ключ от задней двери, который все еще находился в замке. По дороге он заглянул в мастерскую и вырезал два новых ключа. На следующее утро, несмотря на то, что на улице немного штормило, его рюкзак был набит множеством отверток, парой гаечных ключей и небольшим ломиком, а также полной флягой и несколькими порциями бутербродов. Повесив на шею сумку с фотоаппаратом, он засунул плечи в лямки рюкзака, надел кепку и отправился в путь - было еще рано, людей было очень мало, и он повторил вчерашний маршрут.

На этот раз добраться до дома было гораздо легче, тропинка, которую он прорубил накануне, помогла ему без труда добраться до задней двери. Брызнув маслом в замок, он попробовал новый ключ. Покрутив замок туда-сюда, он вскоре освободил его, и с удовлетворительным щелчком замок отперся, а дверь распахнулась. Он понятия не имел, почему он это сделал, просто естественная реакция, подумал он, и позвал: "Привет". Конечно, никто не ответил, да и зачем, казалось, этот дом простоял без движения большую часть его жизни, и он был первым за многие годы, кто решился войти внутрь.

Отдернув шторы в гостиной, он первым делом сфотографировал комнату с разных сторон. Затем он осмотрел все предметы мебели, висящие картины, настенные часы, которые молчали, латунные подсвечники на каминной полке. По комнате были разбросаны различные фарфоровые украшения, каждое из которых было сфотографировано. В большом серванте хранилось белье для стола и сервировки, в шкафу напротив - коробки из-под обуви, полные писем, фотографий, старых счетов и всех тех бумаг, которые люди, похоже, берегли. В трех ящиках, расположенных в центре шкафа, хранилось огромное количество всякого хлама, который мы все храним: старые ключи от замков, которые давно выброшены, неработающие зажигалки, старые часы и авторучки. Коробка с разнообразными пуговицами и воротничками, еще одна коробка с монетами до десятичной системы исчисления, пенни, полпенни, шестпенни и трехпенсовики. Он не собирался разбираться во всем этом, но с удовольствием сделал несколько фотографий содержимого или чего-то особенного, что привлекло его внимание.

Отдернув частично закрытые шторы, он уделит внимание спальне, повторив то, что сделал в

передней комнате. Фотографировалось все и вся, составляя картотеку содержимого дома. Затем настал черед кухни, где он открыл шкафы и сфотографировал их содержимое. Удивительно, как быстро проходит время, когда ты поглощен исследованием: взгляд на часы напомнил ему, что уже почти полдень. После выпивки и бутербродов ему предстояло принять решение: фотографировать спальни или попытаться открыть дверь на чердак. Решение было принято, дверь на чердак была его приоритетом, если ему удастся открыть ее, то это может подождать до другого дня, и он вернется к исследованию спален.

При свете фонаря это было трудно, но, сняв внешнюю ручку и просунув шпindel в дверь, он смог поддеть замок тонкой отверткой, и после долгих покачиваний и поворотов дверь открылась. Шагнув внутрь темного помещения, он поднял ручку и шпindel и снял врезной замок, вмонтированный в поверхность. Он отнесет его домой и, надеюсь, починит, а завтра снова установит.

До отъезда оставалось время, чтобы сфотографировать одну спальню, поэтому он выбрал меньшую из трех. Шкаф был таким же, как и тот, который он открыл вчера: пиджаки и брюки, возможно, лучший воскресный костюм, две пары туфель и пара ботинок. В комодe хранилось нижнее белье, жилеты, фуфайки и носки до колен, в следующем ящике - рубашки и запасные воротнички, лучшие рубашки с одной стороны, рабочие рубашки - с другой. В третьем ящике лежали джемперы с длинными рукавами, но преимущественно майки, а также кардиганы, аккуратно сложенные. Нижний ящик был полон безделушек, личных писем, различных перочинных ножей и, судя по виду, полного набора сигаретных карт. Опять же, это был тот тип вещей, которые люди не могут выбросить, даже если они больше не нужны или не приносят никакой пользы.

Несмотря на энтузиазм, усталость одолела его: "Хватит на сегодня".

Снова закрыв шторы, он включил фонарик и спустился вниз, постоял на кухне, размышляя о жизни людей, живших здесь, кто они были и что с ними случилось? Почему они однажды ушли и не вернулись, оставив все свое имущество?

К его большому разочарованию, следующий день выдался неудачным, поэтому вместо того, чтобы отправиться на участок, Дэвид решил провести некоторое время в Интернете и попытаться выяснить, кто жил в этом доме. Его первым пунктом назначения были сайты генеалогии, перепись населения 1911 года. Это было довольно просто, и он быстро нашел жильцов дома. "Travellers Rest". Альфред Филипс, глава, 34 года, инженер железной дороги. Глэдис Филипс, жена, 28 лет, помощница на кухне".

<http://erolate.com/book/2269/59729>